

(ПП: обр.жителейские бури, невзгоды)

— Сыновей у меня много, пусть делают, — отмахнулся отец Жуань, — не такая уж это и роскошь.

В тот момент деревенские еще не знали, сколько на самом деле стоит зубной порошок. Но когда узнают — даже и заикаться не посмеют о покупке из дома Сюн. Это же не зубы чистить, а серебро счищать!

— За несколько десятков вэней, — продолжал отец Жуань, — лучше пойти к семье Тан и купить хорошего соевого масла. Пожарить еды да побольше положить, вся семья сыта и довольна.

К этому делу он подошёл со всей серьёзностью: первую щётку и коробочку под порошок сделал сам. Отшлифовал до идеальной гладкости и щетку, и коробочку. Даже лучше, чем Сюн Чжуаншань. Всё вышло на диво аккуратно.

Тан Шоу остался очень доволен, забрал свои образцы и вернул залог.

— Делайте вот по этому образцу, — велел он. — Начнёте с десяти дней. Сколько сделаете — всё приму.

Затем он обернулся к Сюн Чжуаншаню:

— Дай ему лошадиного хвоста на тридцать щёток.

Сюн Чжуаншань из принесённого сырья выбрал нужное и передал отцу Жуаню.

— Сделаешь — в тот же день приноси. Не копи, мне это ещё нужно.

Расчёт каждый день — отцу Жуаню только того и надо. Он с готовностью закивал:

— Обязательно. Каждый день буду приносить.

Сказал — да не ушёл. Мялся, переминался, явно хотел что-то добавить.

— Дядя Жуань, у вас ещё дело?

Тот слегка покраснел: неловко было говорить. Всё-таки в какой-то мере он перебил

деревенским людям заработок. Но что делать — ради семьи пришлось переступить через стеснение.

— Сюн-фулан, — начал он, — у нас-то ведь в роду все плотники, мастера знатные. А не лучше ли вам всё это — и щётки, и коробочки — поручить моей семье? Не беспокойтесь, у меня четверо сыновей, все дело знают. Сколько ни закажете — со всем управимся.

Тан Шоу не видел в этом ничего дурного. В торговом деле всё так: появился шанс — надо хватать. Иначе откуда деньгам взяться? Поэтому он вовсе не считал, что отец Жуань поступает как-то не по совести, предлагая заключить с ним договор на исключительное исполнение.

Да и для него самого это было выгодно. Если поручить работу всей деревне — это всегда риск. Вот, например, начнётся страдная пора: у кого из крестьян останется время на его зубные щётки? А господа и барышни в столице что, перестанут чистить зубы? Стоит ему хоть немного не успевать с поставкой — и тут же найдётся другой, кто подхватит. В торговле это всегда так — оступисься, и место займёт кто-то другой.

— Ладно, — кивнул Тан Шоу, — передаю заказ вашей семье. Но не как единственным исполнителям, а с приоритетом. Если, к примеру, мне поступит срочный крупный заказ — нужен будет объём за несколько дней, — вы, возможно, не успеете. Тогда я всё равно сперва к вам: сколько сделаете — столько возьму, остальное поручаю другим. Но есть одно условие: качество. Если будете халтурить, гнаться за сроками — больше никакой работы от моего дома не получите. Ни большой, ни малой.

Отец Жуань ответил со всей серьёзностью:

— Сюн-фулан, будьте спокойны. Мы — семья мастеров нескольких поколений, и слово для нас не пустой звук. Работу вполсилы, в обман — мы не делаем.

— Вот и решено, — заключил Тан Шоу. — Сейчас попрошу уважаемого учёного Цзи помочь нам составить договор. Кстати, если уж у вас вся семья плотников — значит, и с резьбой по дереву справляетесь?

— Справляемся, справляемся! И простые узоры, и сложные — всё по силам.

— Простые узоры подойдут, — сказал Тан Шоу. — Я хочу, чтобы вы вырезали распустившиеся персиковые цветы. Наш дом теперь будет называться «Таохуаюань» — «Источник персикового цвета», а торговый знак — цветущий персиковый сад. Только резьба не должна быть слишком сложной — лучше всего, если несколькими штрихами можно передать нужное настроение. И чтобы вырезаны были эти три иероглифа — «Тао Хуа Юань». За такую работу я к каждой штуке прибавлю по два вэня.

Доплата за резьбу — обычное дело. Чем сложнее узор, тем дороже, ведь за ним стоит ручной труд.

Отец Жуань уже представлял, как всё будет выглядеть. Он понял, что Тан Шоу хочет не плотного нагромождения цветов, а именно лёгкий, воздушный, красивый образ, оставляющий простор для воображения — чтобы каждый, глядя, сам представлял себе, как ослепительно расцветает персиковый сад. Такой рисунок, хоть и выглядит просто, требует высочайшего мастерства: стоит ошибиться, и вся работа покажется пустой и безжизненной. Но для старого мастера это не было преградой. Единственное, чего он не умел — вырезать иероглифы. Он ведь не знал грамоты и не мог сам написать «Таохуаюань».

Впрочем, он сразу сообразил: у деревенского учителя Ли можно попросить написать образец, а дальше он будет вырезать, как по чертежу. Сделает один — и рука запомнит.

— Без проблем! — с готовностью ответил он. — Вернусь домой и сразу примусь. Сделаю первый — вы посмотрите. Понравится — остальные будут точь-в-точь такие же.

— Договорились, — кивнул Тан Шоу.

Отец Жуань и впрямь был человек решительный: вернувшись домой, он тут же собрал всех своих сыновей, и они с головой ушли в работу. Перепробовали не один десяток узоров, но всё было не то. Одни выходили чересчур вычурными — хоть и красивыми, но на вырезание такого орнамента уходил весь день, и по деньгам это совершенно невыгодно. Другие, напротив, были слишком простыми — унылыми и безжизненными. Отец Жуань до глубокой ночи сидел под тусклым светом масляной лампы, вырезая без усталы, пока, наконец, не сделал такой узор, который удовлетворил и его самого. Немного покемарив, едва забрезжил рассвет, он отправился в дом семьи Сюн.

Когда он пришёл, Тан Шоу ещё не проснулся — Сюн Чжуаншань, конечно, прогнал его, велел явиться к полудню. Ровно в назначенный час отец Жуань снова пришёл, на этот раз как штык. И Тан Шоу остался более чем доволен: вырезанный им персиковый сад действительно оказался на редкость хорош. Хотя на нём не было цветущих деревьев, собранных в пышные кроны, но пара веточек с несколькими распустившимися цветами — и в этом лаконичном узоре чудом угадывалась тысячеверстная роща, великолепная и чарующая. Тан Шоу подумал: вот что значит мастер своего дела — сразу видно!

Семья Сюн всё уже предусмотрела и была полностью готова к приезду купцов из Восточной столицы.

И в самом деле, в столице всё случилось так, как и предсказывал Тан Шоу: торт, зубные щётки и ароматное зубное благовоние буквально за одну ночь стали настоящим хитом. Хотя торт за время дороги, из-за тряски и хранения, утратил свою первозданную свежесть и вкус, — для людей династии Юй, чей рацион был куда беднее и однообразнее, это и так была несказанная вкуснотища.

Особенно умело обыграл момент Ван Сюн — он, по указанию Тан Шоу, заказал несколько изящных масляных фонариков в форме лотоса, установил их на торт и зажёл. А затем как бы случайно распустил слух через третьи руки, будто подобное лакомство в предыдущей династии

могли есть только члены императорской семьи, а вельможные дома, если хотели попробовать, должны были сначала заслужить милость и получить награду от монарха.

Говорили, что всё вышло случайно, но в итоге каждый гость, пришедший на день рождения госпожи Ван, узнал о торте, и все до одного разгорелись любопытством. Кулинарное мастерство Тан Шоу действительно оказалось на высоте — даже представители знатных семейств, которым доводилось пробовать множество деликатесов, могли придраться разве что к тому, что торт полежал слишком долго. Но ведь от деревни Синьхуа до столицы — путь не близкий, тут уж ничего не поделаешь.

Хотя торт был сделан не маленький, но на именины госпожи Ван собралась масса гостей. Двухъярусный торт разрезали на мелкие кусочки, и попробовать его смогли лишь те, кто имел определённый статус. Потому все, кому досталась хотя бы одна крохотная порция, в изобилии рассыпались в сладчайших похвалах, отчего у прочих гостей и вовсе слюнки потекли.

После банкета всё высшее общество Восточной столицы заговорило об этом загадочном лакомстве под названием «дангао» — торт. Особенно поражало то, что почти никто не слышал о нём нигде, кроме как на приёме в доме Ван, — тем самым этот десерт окутался ореолом тайны. Представители знатных родов, всегда кичившиеся своей осведомлённостью, теперь терзались неведением и с ещё большим рвением стремились докопаться до сути. Чем глубже они размышляли, тем сильнее убеждались: не иначе как утерянный рецепт из прежней династии, иначе как объяснить, что никто о нём не знал?

Однако больше всего родовитых господ раздражало даже не то, что торт достался далеко не каждому, а то, что «щётку для зубов» и «зубное благовоние» — ни один из них даже краешком глаза не видел!

Ван Сюн привёз с собой в столицу только ограниченное количество щёток и порошков: всю серию «Цзюньцзы» — «Благородный муж» — он передал исключительно госпоже Ван. А серию «Хэ ци жу лань» — «Дыхание, как орхидея» — раздал всего три коробочки. Остальное он приберёт для укрепления своей личной сети связей в столице.

Знатным и уважаемым особам Ван Сюн дарил коробочки с серией «Дыхание, как орхидея», тем же, кто только недавно начал выходить в люди или являлся молодым наследником с ещё не обрётённой властью, вручал серию «Свежесть». Но вне зависимости от названия, каждый молодой господин из знатного рода, получивший такой подарок, был в полном восторге. Ван Сюн изначально и сам предполагал, что эти вещи понравятся аристократии, но он и представить не мог, что понравятся они настолько. Поэтому вовсе не стал зажимать — наоборот, широким жестом раздал всё подчистую.

Когда же остальные влиятельные дома узнали об этом и поспешили к нему с просьбами, у Ван Сюна в руках уже не осталось ни единого экземпляра. Он проклинал своё великодушие, готов был в стену биться — ведь среди этих новых просителей оказались такие фамилии, о которых он раньше мог только мечтать! Он даже не надеялся, что однажды эти родовитые господа сами к нему придут. А когда шанс сам пришёл в руки — он его упустил. Да так глупо! Он едва не рвал на себе волосы от досады: зачем он тогда раздавал щётки им, кто ему и так ровня? Лучше

бы отдал тем, с кем мог бы теперь породниться через долг благодарности. Такой бы связи ему потом цены не было!

— Прошу прощения, — лицо Ван Сюна вытянулось, — правда, совсем ничего не осталось. Ни одной штуки! — он выглядел даже более огорчённым, чем сидевший напротив него аристократ. Со стороны и не скажешь, кто из них был обделённым.

А напротив сидел кто? Наследник рода Цзинь — одного из четырёх главнейших кланов Восточной столицы. Пусть он был не первенцем, но и родился от той же матери, что и старший сын, так что в будущем ему всё равно сулилось важное положение. Даже прямая линия рода Ван в сравнении с Цзинь выглядела просто бедным родственником.

Клан Цзинь — один из тех, чьи имения и торговые дома разбросаны по всей Поднебесной, с делами в самых разных отраслях. Сказочно богатые, они действительно сшибают золото каждый день.

Цзинь Цзиньчэн, происходящий из столь знатного рода, с детства обучался по всем канонам этикета и учёности. Даже сейчас, в такой ситуации, он сохранял некоторую сдержанность, вполне соответствующую воспитанию достойного потомка великого дома.

Хотя в душе он и чувствовал разочарование, но всё же понимал ситуацию и с открытой улыбкой ответил:

— Господин Ван, не стоит так переживать, на самом деле это я поступил опрометчиво. Если бы дома узнали, что я пришёл просить подарки без приглашения, мне бы точно ноги переломали. Просто... хотел устроить небольшой сюрприз для моего старшего брата. Он у нас человек очень скучный, всё делает по уставу, ни к чему особого интереса не проявляет. А тут вдруг заинтересовался этими прославленными в один миг на всю столицу щётками и зубным порошком... Вот я и подумал — раздобуду ему в подарок, пусть порадуетя.

— Так это для Цзинь Цзиньмина, наследника рода Цзинь?.. — Ван Сюн выдал это почти не подумав.

— А вы знаете моего брата? — с интересом приподнял бровь Цзинь Цзиньчэн.

— Да как же его не знать! Кто во всём Юйчао не слышал о нынешнем главе рода Цзинь, господине Цзиньмине?

Цзинь Цзиньчэн рассмеялся. Его старшему брату было всего двадцать семь-восемь лет, но он уже взял в свои руки все дела клана и стал признанным лидером среди сверстников — настолько выдающимся, что с ним никто и близко не стоял. Не только молодёжь, даже те, кто годами старше, склонялись перед ним, пресмыкались, поддакивали, льстили. Вот и сейчас — только что Ван Сюн говорил с ним, младшим братом, ровно, но едва зашла речь о Цзиньмине — тут же переменялся в лице. Цзиньчэн испытывал искреннюю гордость — всё же они родные

братья.

И вдруг — в комнату вбежал слуга А-Чэн, запыхавшийся и явно потрясённый. Он едва поклонился, забыв о том, что в зале гости, и срывающимся голосом выпалил:

— Господин!.. Из... из дома Тан!.. Люди из дома Тан, из Восточной столицы пришли!

К концу своей фразы он почти сорвался на визг.

Род Тан — один из четырёх древнейших и самых влиятельных кланов Восточной столицы, наряду с Цзинь, Хуан и Чжу. Эти четыре дома контролировали практически всю торговлю столицы и, по сути, держали весь рынок в кулаке. Всё остальное — лишь мелкая рыбёшка, которая даже щель в зубах не заткнет.

В этот раз Ван Сюн прибыл в столицу, с одной стороны, чтобы поздравить главу семьи Ван с днём рождения, но на самом деле у него была и куда более важная цель — наладить контакт со столичным кланом Тан, поскольку по делам торговли ему требовалась небольшая поддержка с их стороны. Раньше, до встречи с представителями семьи Цзинь, Ван Сюн был бы безмерно рад такому шансу — да и вел бы себя так же, как А-Чэн, напряжённо и суетливо.

Но теперь всё изменилось — ведь семья Цзинь сама пришла к нему. В таких условиях клан Тан уже не казался таким значимым. Говорили, что в столице правят четыре великие семьи, но это было в прошлом: теперь семья Цзинь стояла на первом месте, возвышаясь над всеми прочими.

— А-Чэн, не позволяй себе грубостей! — поспешно осадил его Ван Сюн. — Разве не видишь, у меня гость! Быстро извинись!

А-Чэн не знал, кто такой Цзинь Цзиньчэн, но, увидев, как спокойно и уверенно держится Ван Сюн, решил, что тот перед ним, должно быть, человек весьма знатный. Тем более, юноша, услышав, что прибыли представители семьи Тан, никак не отреагировал — ни удивлением, ни лестью, а наоборот, оставался совершенно невозмутим, словно считал, что клан Тан — не более чем обычная фамилия.

А-Чэн не посмел строить догадки о личности стоящего перед ним молодого господина и тут же склонил голову с извинениями:

— А-Чэн был груб. Прошу простить меня, господин.

— Пустяки, не стоит волноваться, — с улыбкой ответил Цзинь Цзиньчэн. — У господина Вана, как я вижу, гости?

На поверхности в столице царило спокойствие, но за кулисами всё бурлило и гудело, словно перед бурей. Ван Сюн слышал, будто бы когда-то давно между кланами Тан и Цзинь произошёл

некий конфликт, но было ли это правдой — оставалось неизвестным.

Так или иначе, он не смел допустить, чтобы представители этих двух семей встретились у него дома. Если вдруг слухи окажутся правдой и между ними вспыхнет что-то прямо под его крышей — ему, даже прыгнув в Янцзы, не удастся отмыться от последствий.

И вот теперь Ван Сюн в душе злился на А-Чэна за его недалёкость: ну не мог ли он найти предлог, сослаться на неотложные дела и сказать, что обязательно позже нанесёт визит? Глядя на него со злобой, с таким взглядом, что хоть провались сквозь землю, Ван Сюн испепелял его глазами. А-Чэн и сам понимал, что оступился, стоял, растерянно мялся и не знал, как поступить.

После пары злых взглядов Ван Сюн вдруг будто что-то вспомнил — лицо его просветлело, и он тут же поманил А-Чэна пальцем. Тот тут же засеменил к нему, стремительно и услужливо.

— Ту коробку «Циньсинь», что я подарил тебе в Синьхуа, ты уже использовал? — спросил он.

Стоившую несколько сотен вэнь вещицу А-Чэн, разумеется, поберёт. Особенно сейчас, когда по всей столице настоящим ажиотажем пользовались зубные благовония — «Цзюньцзы» и «Хэци жу лань» продавались буквально с руками, принося на перепродаже по две-три лян серебра, а то и больше. Что до той самой коробочки «Циньсинь» у него в руках — её он мог сбыть за целый лян серебра, и покупатель уже был найден, сделка намечена на вечер.

Тем не менее, А-Чэн всё же ответил:

— Господин, нет, не использовал. Вы хотите? Я сейчас схожу, принесу.

Ван Сюн довольно кивнул, и А-Чэн в его глазах тут же стал куда приятнее.

— Ступай, — сказал он. — Но впредь, делая дело, не суетись так без толку.

Тут же обернулся к Цзинь Цзиньчэну, лицо его просветлело, и с широкой улыбкой он заговорил:

— Молодой господин, вот ведь как — только что вдруг вспомнил, что у меня и впрямь осталась одна неиспользованная коробочка «Циньсинь». Я прежде отдал её слуге, чтоб он передал с кем-нибудь домой жене. По-хорошему, её уже давно должны были унести, но, как видите, в последние дни столько дел навалилось, да и А-Чэн всё время при мне, так что об этом и забыли. Сейчас, увидев А-Чэна, я вдруг и вспомнил — вот и спросил. Раз уж так получилось, и если вы не побрезгуете, не сочтёте за невежливость, — возьмите её, подарите своему старшему брату, пусть опробует новинку, как говорится.

— В таком случае, выходит, мне и вправду повезло, — с лёгкой улыбкой ответил Цзинь

Цзиньчэн.

Он пришёл сюда, по сути, наугад. Сейчас в столице царит настоящий бум на зубные щётки и ароматные порошки для дыхания, и в дом Вана Сюна, что ни день, ломится народ. Уже давно ходили слухи, что всё, что можно было подарить, Ван уже раздал, и даже те, кто пытался выпросить хоть что-то, уходили с пустыми руками. Цзинь Цзиньчэн и сам пришёл только с тем расчётом, что, может, Ван Сюн приберёт одну-две коробочки на крайний случай, не отдавая всем подряд, а именно для таких, как он — ведь если бы он был на его месте, поступил бы точно так же. Неожиданно оказалось, что Ван и правда не утаил ничего — получить такую коробочку «Циньсинь» оказалось не только неожиданностью, но и настоящей удачей.

Цзинь Цзиньчэн ничуть не счёл это подношение чересчур простым и без колебаний принял его. А-Чэн не посмел открыто уставиться на то, как его вещь забрали из-под носа, лишь в душе потихоньку обливался кровью.

Как только Цзинь Цзиньчэн ушёл, Ван Сюн не сдержал весёлого смеха:

— А-Чэн, ты и вправду мой счастливый знак, сослужил мне огромную службу — на, это тебе, награда.

А-Чэн принял серебро. Даже не взвешивая, лишь подбросив в руке, тут же прикинул, что там не меньше одного лян.

— Благодарю, господин, — с почтением ответил он, бережно спрятав серебро за пазуху. — Господин, только что семья Ван, узнав, что прибыли люди из Тан, уже пригласили их в главный зал. Не желаете ли сейчас тоже пройти туда?

— Конечно, — кивнул Ван Сюн. — Хоть теперь и семья Цзинь на первом месте, но и Тан лучше не обижать. В конце концов, любая из них — это не те, с кем нам стоит ссориться.

Чего Ван Сюн никак не ожидал, так это того, что представители семьи Тан пришли не с чем-то важным, а также просить зубные благовония и зубные щётки. Увы, ни у него, ни в главном доме семьи Ван уже ничего не осталось — в итоге клан Тан вынужден был покинуть их с разочарованием.

В тот же вечер, после ужина, Цзинь Цзиньмин, воспользовавшись зубной пастой, которую Цзинь Цзиньчэн специально достал для него, позвал младшего брата в кабинет. Два брата проговорили до глубокой ночи, а уже на следующее утро, когда и заря ещё не разгорелась, Цзинь Цзиньчэн с пятью-шестью телохранителями на полном скаку выехал из городских ворот столицы.

Тем временем в главном доме семьи Ван глава рода Ван Хань с каменным лицом разглядывал коробочки с зубной пастой, преподнесённые Ван Сюном в дар.

Старший сын, Ван Эньцзэ, с недоумением спросил:

— Отец, это ведь какая-то безделица, стоит дёшево — с чего это вокруг неё в столице такая буря поднялась? Почему?

— Почему, почему! — с яростью воскликнул Ван Хань. — Только и знаете, что спрашивать, почему! Головой подумать — не судьба?

Он и сам не понимал, чем провинился в прежней жизни, что родил таких сыновей — один глупее другого. В любой ситуации не способны ни сообразить, ни просчитать, только и знают, что повторять: «почему, почему», — будто кто-то им всё должен разъяснить. Почему бы не задуматься — почему именно им посчастливилось родиться в семье Ван, а не в какой-то иной?

От злости Ван Хань едва не лопался, а сыновья, понутив головы, не смели издать ни звука. Ван Хань и сам уже устал что-то объяснять — сколько раз ни пытался, всё бесполезно, как были глупцами, так и остались. Полагаться на кого-либо из них в будущем — не было и речи. Ему оставалось только надеяться на самого себя. Полуприкрыв глаза, он подумал: ту девицу с улицы нужно всё же взять в дом — четырнадцать-пятнадцать лет, самый подходящий возраст для деторождения. Пара-тройка детей не составит труда.

Ван Хань, не желая больше тратить время на пустую болтовню, тут же отдал приказ:

— Сейчас же ступайте в ту самую деревню Синьхуа, про которую говорил Ван Сюн. Найдите людей, у которых есть рецепт этого зубного благовония, и обязательно добудьте его. Если эти деревенщины не согласятся...

— Поняли, отец, — поспешно ответили сыновья. — Не волнуйтесь, мы во что бы то ни стало добудем для вас этот рецепт.

<http://bllate.org/book/13592/1205355>